

ОРЕХОВОЕ ДЕРЕВО

Когда началась война, мне было шесть лет. Мы жили далеко от фронта. Но об этом я узнал позже, в школе, когда учили географию. Так что для нас, для дошколят, она представлялась в виде бесконечных очередей за хлебом. И еще война — это когда в твоём родном маленьком городе остаются только старики и женщины, которые с испугом на лицах вслушиваются в стальной голос диктора радио. Когда ты вырастешь очень быстро и вскоре замечаешь, как с каждым днем в твоём городе становится все больше и больше незнакомых мужчин. Они чаще всего небритые. Но и не бородатые. Они так похожи и так не похожи друг на друга. У них у всех зеленые кители с колодками или орденами на груди. У некоторых вместо руки пустой завернутый рукав. У других вместо ноги завернутая штанина. Война — это когда твоя бабушка, у которой три сына были на фронте, бежит затаив дыхание навстречу почтальону, а потом словно подкошенная падает на землю.

Но однажды у нас появился мужчина, который не был похож на фронтовиков. Старенький. Худенький. В шляпе.

Старик был аптекарем. Часто к нему приходили даже ночью. А иногда и сам он шел к заболевшему. И тогда мы на перекрестках, где собирались мужчины, слышали разговоры о том, какой аптекарь отзывчивый человек. Многие даже имени его не знали. Так и звали — аптекарь. А потом кто-то добавил к этому слову имя Петрос. И все стали звать его — аптекарь Петрос.

Город действительно был очень маленьким, и любая новость тотчас становилась всеобщим достоянием. Особенно когда в чей-либо дом приходила похоронка с фронта. Мы об этом узнавали сразу. И возле такого дома мы, дети, уже не бегали, не играли.

Возле нашего дома всегда была тишина. К нам трижды приходили похоронки. И потому мы чаще всего играли за городом. Почти в каждом доме за первые два-три года войны успело поселиться горе. Обходили мы стороной и дом аптека-

ря Петроса. Лицо у него было доброе. Детей он любил. Но все же мы не осмеливались шуметь возле его дома, потому что знали: накануне ночью его вызвали к больному. Значит, он мог бы быть вызван и этой ночью тоже. А вдруг он сейчас спит, отдыхает?

Но иногда мы заходили в аптеку. Интересно было. Помню, как в первый раз мы разочаровались. Пусто, как на полках хлебного магазина. Да здесь и полок-то никаких не было. И мебели никакой. Всякие там склянки да коробочки лежали прямо на ящиках, расставленных вдоль стены. За время войны ничего не осталось от ближайшего леса и кустарника. Полено было на вес золота. Досок мы в то время и в глаза не видели. И потому никого не удивляло, что в аптеке нет мебели, нет полок.

Иногда Петрос выезжал в районы и неделю, а то и две отсутствовал. Аптека наша, конечно, работала, как и прежде. Немолодые женщины выдавали по рецептам врачей лекарства. Но мы без старого аптекаря уже не представляли аптеку. От тех же взрослых узнали, что он не просто аптекарь, а главный аптекарь, который отвечает за лекарства во всей области.

Однажды город облетела новость. В аптеку завезли доски, да не простые — ореховые. И мы стали свидетелями необычного зрелища. С широкими гладкими ровными досками работали двое мебельщиков. Стало известно, что аптекарь Петрос привез их из Еревана. На наших глазах обыкновенные ровные доски превращались в шкафы и шкафчики, в полки и полочки, в столы и стулья. Вскоре появилась перегородка с узорами. Над перегородкой поставили стекла. Наконец, аптека открылась. И весь город пришел поглядеть. Мы не скрывали своей радости за аптекаря, который, судя по всему, к открытию аптеки готовился как к празднику. У него и шляпа была новая.

Никто так и не узнал, откуда появились ореховые доски. Сам аптекарь Петрос не говорил об этом. Его спрашивали — он лишь улыбался. Говорил, что добрые люди дали. Так и осталась тайной для меня история ореховых досок. Да вскоре мы и забыли о ней. Более важные события настали.

Вначале пришла Победа. Я учился в третьем классе, но прочитал целую страницу «Правды»...

В последний раз я видел старого аптекаря, когда занемогла моя бабушка. Глаза у нее болели. Выплакала все слезы, и гла-

за у нее стали краснеть, воспаляться. Врач выписал глазные капли. Я побежал в аптеку. Петрос подал мне дрожащими руками пузырек и, не поднимая головы, тихо сказал: «По пять капель три раза в день в каждый глаз». Я не обиделся на него за то, что он не поднял головы, не посмотрел на меня. Понимал: старый человек совсем. Трудно ему для каждого поднимать голову...

Дороги моей жизни надолго увели меня от дома. Иногда, правда, наезжал на денек-другой. И в один из приездов я узнал, что старый аптекарь скончался.

Мне захотелось посетить могилу человека, который стал таким родным для моего поколения. Старика похоронили в деревне, где он родился.

И я поехал в деревню аптекаря Петроса. Нашел я кладбище, постоял у светлого плоского камня. Накануне мне рассказали о том, что старик просил, чтобы надгробный камень его был таким, какими они бывали у дедов. Небольшой плоский камень. Имя и даты. И больше ничего. Но все-таки не полностью выполнили волю покойного. На камне были не только даты и имя. Была высечена медицинская эмблема и слова: «Подвижники нужны, как солнце». Мне подумалось, что слова эти взяты из записей самого аптекаря Петроса. Или написал их непременно врач.

У открытых настежь кладбищенских ворот стоял согбенный старец, опираясь на суковатую палку.

— Ты кем приходишься нашему Петросу? — спросил он.

— Никем, — ответил я, — просто знал его с самого детства.

— Тут прибежали мои сорванцы внуки и взхлеб рассказывают, что какой-то приезжий справляется о могиле аптекаря. Вот я и хотел узнать.

— А вы его знали?

— Кто его не знал, сынок?

— Скажите, там, на могиле написаны слова. Кто их написал?

— Сын мой, Арсен.

— Кем он работает, ваш сын?

— Да неужто ты не знаешь Арсена? Все его знают. Врач он. Сейчас в больнице. Он из-за нашего аптекаря и решил стать врачом. Петрос вернул сына с того света.

— Как вернул?! Он же был аптекарем, а не врачом.

— Не знаю, кем он там был. Только спас моего парнишку прямо на глазах. Приехал он как-то из города к нам в деревню. Дом его рядом с нашим был. Да у него к тому времени, к войне,

и близких родных не осталось. Вот приедет, соберутся у него дальние родственники, и проведет он у отцовского очага день-два. Приехал, значит, он в тот раз, а тут сынишка мой, маленький еще тогда был, заболел.

— А чем он болел?

— Слово это, будь оно проклято, я на всю жизнь запомнил. Дифтерия. Мальчишка уже сознание потерял. Задыхался. Потом вовсе перестал дышать. А тут женщины криком кричат. В деревне у нас тогда был фельдшер. Хороший человек. Да помер он накануне, царствие ему небесное. Как раз недалеко от аптекаря лежит. Помочь больше некому. Вспомнили про нашего Петроса. Видать, Бог его прислал в тот день в деревню. Побежали к нему. Через минуту он явился. Хоть и старый уже, но такой ладный, аккуратный, в шляпе и при галстуке. Посмотрел он молча на ребенка, потрогал за руку, приподнял веко. Потом подошел к столу. Схватил вилку и отогнул один зубец. Все мы, не дыша, следили за каждым его движением. Приблизился он к мертвому, можно сказать, парнишке и стал горло щупать. И вдруг зубцом вилки проткнул горло. Только свист послышался...

Как врач, я все хорошо представлял себе. Дифтерия — острое инфекционное заболевание у детей. Сотни тысяч уносила она. На глазах у беспомощных родителей на протяжении веков умирали их дети от удушья. Образовывались пленки в дыхательном горле. Наслаивались они друг на друга и закрывали просвет дыхательных путей. Ребенок погибал от асфиксии — удушья. Единственное спасение — операция. Трахеотомия. Ею владели все медики прошлого. Все без исключения. Хирурги и терапевты, стоматологи и фармакологи. Все. Даже фельдшера. И у всех был при себе специальный набор. Нетрудно, наверное, предположить, из чего состоял этот набор. Скальпель, несколько пинцетов, игла с шелком и, конечно, трахеотомическая трубка. Я слушал рассказ старика, а в голову невольно лезли всякие мысли. Мысли, не скрою, тривиальные. Мол, вот человечество избавилось от такого страшного недуга, и никто не удивляется, не поражается, не радуется. Медики совершили подвиг, который прошел незамеченным. Никто и не задумывается над тем, что у врачей сегодня нет необходимости носить при себе этот самый обязательный набор. Не было его, кстати, в тот момент и у старого аптекаря. Из рассказа старика я понял, что тот накануне сделал кому-то операцию и запас его кончился. Но в то же время я хорошо знал, что зуб-

цом вилки не спасешь ребенка. И я спросил, вернее, перебил старика:

— Ведь одной только вилкой...

— Вилкой он только продырявил. Все, помнится, ахнули. Заохали. Шутка ли, шилом в горло. Он там что-то колдовал над парнишкой и вдруг строго приказал: «Кусочек шланга от винного бочонка! Сбегайте к покойному фельдшеру домой и принесите сюда весь его фельдшерский багаж!» Дал я ему кусок шланга. И сам же сбегал к покойному фельдшеру домой. Вдова его собрала в наволочку все железяки, склянки, резинки всякие. Я, не чуя ног, прибежал домой и с ходу вывалил содержимое наволочки прямо на кровать маленького Арсена. Аптекарь Петрос сразу же потянул руку к какой-то трубке. Снял с шеи кусок шланга и стал пристраивать трубку. Повозился потом малость и зашил. Приподнял руки. Они все в крови. Женщины бросились готовить ему тазик для мытья. Я, жена моя, родня наша обступили кровать. Глядим на сыночка и рыдаем молча. Только временами всхлипываем. Ожил. Щеки порозовели. Даже зашевелился. Аптекарь Петрос скомандовал, чтобы все вышли. Сказал, что парнишке воздух свежий нужен. Мы и вывалили на улицу. Сидим вдвоем с нашим Петросом на крыльце. Я свернул козью ножку. Он попросил и ему тоже свернуть. Сам он не умел, потому что не курил. А тут ему, видать, захотелось. Я и завернул ему. Дал прикурить. Затянулся он и сильно закашлялся. Я начал стучать его по спине, да боюсь, как бы не сделать ему больно. Отошел он. Заулыбался. И вот тут, улучив момент, я говорю: мол, вот я, вот дом мой, что хочешь, проси — все твое. Ничего не пожалею. Сына спас. Теперь проси, требуй. В ответ он лишь улыбается. Потом, все еще улыбаясь, сказал: «А что? Возьму и попрошу». Я приготовился слушать его. А он и добавляет: «Дай мне вон то ореховое дерево». А у нас в саду росло могучее ореховое дерево в пять обхватов. Думаю, шутит человек. Но позвал я мужиков из села. А тогда были одни старики, да инвалиды успели заполнить село. И начали мы на глазах старого аптекаря пилить столетнее дерево, которое посадили еще мои деды. Думал, повожу малость пилой, и он остановит. Но нет. Молчит. Одолели мы с грехом пополам могучий ствол. Рухнуло дерево. Помяло забор. Тогда он не из штакетника был, а из кустарника ежевики. Повалили мы, значит, дерево и смотрим на аптекаря Петроса. Ждем, что он дальше нам скажет. Все село собралось поглядеть на нас. А он и говорит: отдохните, и очень вас прошу рас-

пилить этого красавца на ровные доски. В городе, дескать, аптека без мебели. Скоро победа придет, а в аптеке беспорядок. И еще он добавил: «Прошу только об одном. Посади здесь же рядом новое дерево. Иначе я покоя не буду знать даже на том свете».

— Мебель в той аптеке сделали на моих глазах. Я тогда был мальчишкой, как ваш Арсен, наверное, — сказал я.

— Я видел ее. Смотрел и никак не мог поверить, что все это из одного моего орехового дерева. Да что мы тут сидим. Пойдем... Заглянете к нам. Скоро и Арсен вернется из больницы.

Шли мы медленно. Старик еле передвигался, частенько водил палкой перед собой. Но в то же время не позволял брать под руку. Остановился у высоких решетчатых ворот. Вошли в калитку. Небольшой дворик. Рядом сад. Навстречу выбежала ребятня. Старик с притворной строгостью прикрикнул на них, назвав сорванцами. И те, весело хохоча, разбежались в разные стороны. Мы остановились посреди двора. В углу сада я увидел ровный пенек. На нем лежал плюшевый медвежонок. Тут же росло молодое дерево с ровным упругим стволом и гнутыми ветками, с густой листвой и гроздьями крупных зеленых орехов.